

УДК 94

Городской фольклор как характерная черта викторианской эпохи

Даутов Ергали Нуркешевич

Доцент кафедры «Художественное проектирование интерьеров»,
Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова,
125080, Российская Федерация, Москва, Волоколамское шоссе, 9;
e-mail: ergalid@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросу появления и развития в викторианскую эпоху в Англии жанров городского фольклора, в особенности – городской легенды. Факторами развития постфольклора и нового мифологического осмысления реальности стали значительные социально-экономические перемены, которые были связаны с резкой урбанизацией Британии и привнесением народного мировоззрения в городские реалии. Автор поднимает вопрос наследования и преобразования деревенских ритуалов и поверий в городской среде, а также анализирует сугубо городские мифы и легенды, такие как истории о Джеке-Прыгуне, королеве крыс, детях-призраках, паразитах от нечистой пищи. В статье исследуется мифотворческий потенциал спиритизма, мифологизация болезней и образа смерти. Автор делает вывод о том, что активная мифологизация городской жизни неразрывно связана с историческими условиями развития Британии в середине – конце XIX века.

Для цитирования в научных исследованиях

Даутов Е.Н. Городской фольклор как характерная черта викторианской эпохи // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2020. № 1-2. С. 42-52.

Ключевые слова

Викторианская эпоха, готика, городская легенда, постфольклор, смертность, урбанизация, вампиры.

Введение

Викторианская эпоха – одна из ярких и влиятельных эпох мировой истории, которая отмечает не только период английской истории как таковой, но и до сих пор влияет на культуру-

ный мировой контекст. Многие детали викторианской культуры, такие как вкус к детективу и стимпанку, очарованность техникой и побег от нее в художественные миры, – до сих пор во многом определяют облик массовой культуры.

Особенное место в культуре викторианской эпохи занимает такое характерное явление, как городской фольклор. Стремительная урбанизация, приход массы сельского населения в город, социальное расслоение, сосуществование рабочих бедных окраин и особняков зажиточных граждан, научно-техническая революция и страх перед ней – все это составляло особую питательную среду для возникновения обильного городского фольклора, который в отечественной традиции недостаточно исследован.

Современная легенда, которая описывает реальность города, может быть названной современно очень условно: она, по сути, ровесница города. Еще в Древнем Риме существовали легенды об осьминогах-вредителях, которые живут в канализации, а в Нью-Йорке в той же локации «живут» аллигаторы-людоеды [Архипова, Кирзюк, 2020, 20].

Городской фольклор как историческое явление викторианской эпохи

Городской фольклор, известный также как постфольклор, вообще стал объектом исследования сравнительно недавно, в самом конце XIX века. В России он привлек внимание только в 1920-е годы (первоначально – исследование частушек, романсов). Как отмечают исследователи, «тексты городского фольклора структурно-содержательно и функционально связаны с массовой культурой, активно используют ее семантику, топику, стилистику. При этом сама массовая культура воспроизводит многие родовые свойства фольклора (его дидактические и социально-адаптивные функции, тенденцию к утрате авторского начала, господство стереотипа и т.д.), что весьма облегчает подобную связь» [Неклюдов, 2003, 12]. Городской фольклор, или постфольклор, включает такие жанры, как баллада и городской романс, городские легенды (*urban legends* и *tall tales*), анекдоты, магические письма, круг ритуалов и пр. [Неклюдов, 2003; Осипова, 2017].

Наиболее значимым жанром, близким по «правдоподобию» среди носителей к мифу, является городская легенда: «Городской легенде важно сохранить загадочность и правдоподобие, происходившие в ней события обязаны иметь отклик в настоящем» [Ионов, 2016, 78]. Канадский фольклорист Пол Смит дал такое определение «современной легенде»: она «не имеет устойчивой текстовой структуры, формульных зачинов, концовок и сложно развитой формы <...> Распространяясь устно, легенды передаются преимущественно в неформальном разговоре, хотя они также встраиваются в другие типы дискурса (анекдот, меморат, слух) и оказываются в самых разных контекстах <...> Как правило, современные легенды рассказываются так, будто они описывают реально произошедшие события» [цит. по: Архипова, Кирзюк, 2020, 16]. Как правило, эти легенды происходят в городе, и они постепенно замещают классические истории о встречах со сверхъестественным.

Викторианская эпоха являлась и является объектом активного мифологического осмысления: особенно часто мифологизации подвергаются тема секса, женского затворничества, юмора, криминала и другие [Frost, 2018]. С точки зрения экономики противоречия викторианской эпохи выражаются точным замечанием о том, что материальный прогресс не привел к уменьшению бедности, а скорее провоцировал ее [Griffin, 2020, 295]. Именно в период королевы Виктории появились понятия «Bad England», «Bad poor Britain», отражающие растущие проблемы городов и социальное неравенство.

Судить о темпах урбанизации можно по следующим данным: в 1801 г. в сельской местности проживало почти 80% англичан, а к 1851 году городское население превысило сельское; население Лондона с 1841 по 1891 г. выросло с 1,8 до 4,2 млн. человек [Коути, Харса, 2011, 14]. К 1851 году население Великобритании стало 20,81 миллиона человек, то есть выросло вдвое за 50 лет [Андрианова, Рокина, 2017, 8]. Социальные потрясения и смешение культур (городской и сельской, английской и иноземных, колониальных) привели к расцвету социальной мифологии и городского фольклора.

Городской фольклор вырос из деревенского и имел с ним много общего. Так, например, из деревни были «вывезены» обычаи гадания, которые вполне активно применялись и в городах: так, в Йорке и Йоркшире был обычай девушкам в канун Дня святой Агнессы срывать травинку с могилы холостяка. Кроме того, «До кладбищенских ворот девушка возвращалась пятясь, спиной вперед, а потом во весь опор бежала домой. Оказавшись в своей комнате, она запирала дверь, а ключ вешала на гвоздь за окном. Наступала самая сложная часть ритуала – раздевание. Бедняжке предстояло раздеться в порядке одевания, т. е. сначала снять предмет гардероба, надетый первым» [Коути, Харса, 2011, 37].

Логика городского фольклора часто совпадала с «обратной» логикой толкования сновидений. Так, считалось удачей, если свадьба встречала трубочиста, а в Норфолке невеста должна была поцеловать его. Считалось, что она так испугается его, что станет очень чистоплотной. Обычай бросать букет не сразу распространился, бросали в викторианской Англии и свадебный пирог (который хватили и разбирали подруги), и сыр, и чулок [Коути, Харса, 2011, 69].

В британских городах XIX века сохранялось такое древнее поверье, как вера в подменшей фейри: детей, которые проявляли особенности или задержки развития, часто мучали, пытаясь выгнать «подменного» фейри и вернуть обычного младенца. Истории о жестоком обращении с детьми-инвалидами, которых родные приняли за подменшей, появлялись в прессе: их обжигали, топили, держали на морозе [Коути, Харса, 2011, 120-121]. Скученность городской жизни, особенно в трущобах, вела к детскому нездоровью: «Бичом викторианской Англии стал рахит. Огромное количество младенцев рождалось с этой болезнью» [Андрианова, Рокина, 2017, 9]; рахитичные дети, как и дети с другими болезнями, имели все шансы быть принятыми за фейри-подменшей.

Интересно наблюдать, каким образом типично деревенские поверья, например, связанные со свиньями, мигрировали и в городские легенды. Так, в городах второй половины

XIX века существовала легенда о диких свиньях, захвативших канализацию: «Их прародительница провалилась в канализационный люк, опоросилась под землей и вскормила свое потомство помоями, которые ежедневно стекали в туннели. Помои оказались настолько питательны, что подземные свиньи расплодились и стали столь же грозными, сколь и многочисленными» [Коути, Харса, 2011, 278].

Более «городской» была легенда о королеве крыс, ходившая среди лондонских тошеров – искателей в канализации. «В облике прекрасной девы она соблазняла мужчин и щедро одаривала их удачей. Любовник королевы первым находил деньги и драгоценности, упавшие в канализационные люки, но стоило ему раскрыть свой секрет, как везение прекращалось. От обычной женщины королеву крыс отличал по-животному яркий блеск в глазах и когти вместо ногтей. В порыве страсти она оставляла на теле возлюбленного отметину как от крысиного укуса. Даже после разрыва отношений крысиная магия не оставляла тошера в покое. У их человеческих жен рождались дети с разными глазами – голубым и серым, как подземные воды» [Коути, Харса, 2011, 288-289].

Реальные судебные дела служили основой для фольклорных сюжетов. Так, например, случаи, подобные истории лондонской детоубийцы Маргарет Уотерс, которая принимала новорожденных «на воспитание» в 1860-х годах, стали основой для сюжетов баллад «Жестокая мать», «Девушка и пилигрим» и «Мэри Гамильтон».

Одна из городских легенд Йорка о призраках детей-оборвышей основана на темных слухах о детской смертности в приюте в районе Бэдэрн. К Йорку отгостится и другая легенда: «Призрак маленькой девочки обитает в Йорке по адресу Стоунгейт, 41. Эта девочка родилась уже в викторианскую эпоху. Однажды родители устраивали прием и совсем забыли про дочку. Ей же очень хотелось посмотреть, как веселятся взрослые. Девочка перевесилась через перила на лестнице, но потеряла равновесие, упала и разбилась. Время от времени ее призрак скрипит ступенями, а иногда сидит на магазинной стойке (сейчас в доме находится магазин) и болтает ногами» [Коути, Харса, 2011, 135]. Очевидно, что такие легенды стали отражением реальных историй ранней детской смертности, халатности взрослых и служили своего рода остережением.

Главным английским мегаполисом был Лондон, и он же был родиной большинства примеров городского фольклора.

Так, в 1837-1838 гг. по Лондону пронесся слух о некоем загадочном Джеке-на-Пружинах, или Джеке-Прыгуне. По словам свидетелей, он был одет в стальные доспехи и облегающий костюм, имел перчатки со стальными когтями, а за спиной его был черный плащ. Благодаря сапогам с пружинами он перемахивал через стены и прыгал на крыши. Он пугал кучеров и путников, которые прибавляли Джеку-Прыгуну шлем с рогами и синее пламя изо рта, считая его самым Сатаной [Коути, Харса, 2011, 124-125]. Свидетельства о встрече с Джеком-Прыгуном поступали позже и из других графств: очевидно, в этом образе персонифицировался страх людей перед городскими пространствами и социумом. Считается, что послед-

ний раз встреча с Джеком-Прыгуном произошла в Ливерпуле в 1905 году, и им продолжали пугать непослушных ребятишек.

Миф о Джеке-Прыгуне породил одну из самых живучих ветвей популярной литературы: «Зловещая популярность Джека привела к тому, что в 1840-х о нем появилось две пьесы и целая серия дешевых «ужастиков» – так называемых penny-dreadfuls» [Коути, Харса, 2011, 125]. Очевидно, что черты Джека-Прыгуна наличествуют в образе как современных супергероев из комиксов, так и из зловещих антагонистов.

К таким же легендарным героям, продолжившим свое существование в популярной культуре, относится парикмахер Суинни Тодд, который вместе со своей подружкой делал из клиентов пирожки [Архипова, Кирзюк, 2020, 20-21].

Свои легенды существовали о происхождении лондонских топонимов; эти легенды способствовали магическому переосмыслению городского пространства. Например, есть свидетельство, что песенка «London bridge is falling down» связана с древним обычаем жертвоприношения ребенка для прочности постройки.

Название «Подворье Кровоточащего сердца» в Лондон-сити возводили то к истории о несчастной любви (как Диккенс в романе «Крошка Доррит»), то к сюжету о продаже души дьяволу: «Во времена Елизаветы Первой здесь проживал знатный вельможа сэр Уильям Хэттон, чья жена якобы продала душу дьяволу. Князь Тьмы пришел забрать свой долг во время пира, который давали супруги Хэттон. На глазах у гостей он схватил хозяйку, разорвал на куски и уволок с собой, оставив лежать на земле ее кровоточащее сердце. В честь единственного уцелевшего органа и назвали подворье. Его жители показывали всем желающим насос, о который дьявол размозжил голову несправедливой леди, и клялись, что если воспользоваться им в полночь, вместо воды хлынет кровь» [Коути, Харса, 2011, 150-151].

Одним из существенных новаторств жизни викторианской Англии было участвовавшее общение с духами: в Британию спиритизм был завезен из США и очень прижился. Начиная с 1850-х годов спиритизм завоевал салоны Англии, удостоился вполне научного изучения и имел высокопоставленных поклонников, а также массу околонуучной периодики, которая популяризировала и анализировала общение с духами. В этих изданиях, таких как журнал «Spiritual Magazine» (1860–1877), газеты «The Spiritualist» (1869–1882) и «Medium and Daybreak» (1870–1895), публиковались не только эссе и отчеты о спиритических сеансах, но и былички, то есть рассказы о встречах с нечистой силой, которые были живым примером создающегося здесь и сейчас фольклора: «Статья «Призрак настоятеля» (“The Rector’s Ghost”) [13] в январском номере *The Spiritualist* 1878 г. больше похожа на историю с привидениями (столь распространённую в то время), чем на повествование о реальных событиях, а её действие разворачивается в канун Рождества, что связывает его с традицией рождественского рассказа. Дух священника приходит в церковь в сочельник и застаёт там двух людей, которые тайком выпивали церковное вино» [Ахмедова, 2016, 199].

Не на пустой почве развивался фольклор о страшных болезнях и угрозах для здоровья. Во времена, когда теория о микроорганизмах делала первые шаги, а гигиена считалась скорее моральной добродетелью, – урбанизация принесла большой рост смертности от болезней. Так, в Лондоне в 1830–1840-х годах средняя продолжительность жизни составляла 37 лет, в Ливерпуле – 26, в Йорке – 32 года; при этом в перенаселенных районах столицы, таких как Уайтчепел, уровень смертности был в два раза выше [Макарова, Складов, Чубарян, 2014, 67-68]. При этом жители трущоб не могли, в частности, рассчитывать на получение хорошей еды и часто становились жертвами мошенников: «Различные отбросы производства в виде кусков соленого масла, толченый рис и другие крупы подмешивались в сахар и сахарные изделия. Кофе смешивали с цикорием, какао и крошками бурой глины. Приобрести настоящий алкоголь в заведениях английских городов было невозможно» [Андрианова, Рокина, 2017, 10], и расстройство желудка было типичной городской болезнью. Фольклор старался осмыслить объективную реальность в нарративах и метафорах.

Типичными для города были гиперболизированные легенды об опасностях паразитов от грязной еды или воды, основанные на древних табу и оппозициях «грязное – чистое». Такая история была опубликована в 1926 году в журнале «Фольклор»: «В 1905 году фабричная работница из Ист-Энда (уроженка Лондона) рассказала мне о том, как старательно она избегала есть перезрелые фрукты: “На нашей улице жила девочка, которая как-то раз съела целый фунт слив – да, вроде бы это сливы были – а в них оказались черви. И они начали прямо внутри нее расти. Ее забрали в больницу, но ей уже ничем нельзя было помочь. Тогда было получено разрешение задушить ее!” В 1909 году уборщица из Лондона рассказывала, что люди проглатывают лягушек и тараканов, когда едят водяной кресс-салат или во время питья. Она лично знала девушку, которая слегла с горячкой, а на ночь для нее оставили стакан молока на полу возле кровати. Вместе с молоком она, видимо, проглотила несколько жуков, “а как померла, доктора вскрыли ее и увидели, что внутри полным-полно дырок и тараканов!” В 1926 году схожую историю рассказала образованная и культурная молодая женщина (уроженка Ливерпуля)» [цит. по: Коути, Харса, 2011, 336]. Подобные истории отражали народную обработку возрастающих знаний о причинах инфекционных заболеваний, но и, конечно, искажали их, порождая свойственные городской среде фобии.

Одним из метафорических воплощений социального расслоения викторианской эпохи стала грязь, которая осмысливалась как принадлежность всего плохого, постыдного, низкого: так, грязной болезнью считалась холера, тогда так туберкулез, напротив ассоциировался с чувствительностью и ранимостью тонкой личности [Schülting, 2016].

К разряду новых «модных» болезней относился онанизм, опасность которого к викторианской эпохе была чудовищно преувеличена. Такое отношение к «бесплодной разрядке» было связано с древними представлениями о силе семени и оргазма, но приводило к смешным заблуждениям. Онанизм стали считать не только грехом, но и причиной импотенции,

слепоты и прочих напастей. В моду вошли пояса верности и различные виды распорок и скоб, препятствующих мастурбации. Ее лечили булавками и жгучими смесями, электрическими разрядами и металлическими катетерами, клизмами с белладонной, пиявками, льдом и так далее.

Особенное значение в викторианскую эпоху получил образ смерти. О ней говорили эфемистически, однако она осмысливалась как событие почтенное, возвышенное и отрешающее покойного от земных страданий: с таким пониманием связана, в частности, традиция посмертных фотографий как детей, так и взрослых в пышных саванах [Морженкова, Черепашук, 2016].

Фольклор получал свое обобщение и продолжение в бульварной литературе. Таким, например, образом стал образ вампира, графа Дракулы, сюжет о котором «рисовал обратную сторону Викторианской эпохи <...> контуры теневого мира, который прячется за фасадом Викторианской культуры: сексуальные пороки, болезни, изменение роли женщин, новая теории эволюции, прибытие в Англию иностранцев» [Фоминых, 2013, 138]. Роман о Дракуле воплотил опасения и страхи своей эпохи: медицинские тайны и ужасы, детскую наркоманию, кровопускания и месмеризм, одержимость идеей крови, морального разложения, сифилиса [Skal, 2016]. История о вампире любопытным образом отразила и распространение теории Дарвина, навсегда сломавшего непроходимую стену между человеком и животными.

Особенности рождения и распространения городских легенд в викторианской Англии подтверждает вывод современных исследователей: «городская легенда описывает угрозы, исходящие от людей, и ее главными функциями становятся (возможно, наряду с развлекательной) информирование и предупреждение окружающих о возможных опасностях. Установка на достоверность – основной элемент современной легенды» [Архипова, Кирзюк, 2020, 20].

Заключение

Городской фольклор, подобно фольклору архаическому, деревенскому, ярко отражал основы социально-экономической жизни населения в актуальных метафорах, запечатлевал их страхи и надежды. По сравнению с крестьянским фольклором в постфольклоре меньше канонического и больше инновационного [Стрельцова, 2014]. Викторианский городской фольклор имеет прямые связи с такими явлениями литературы, как викторианский готический роман, сенсационный и детективный роман.

В отличие от традиционного фольклора, который рассказывается в основном представителями определенных социальных слоев, постфольклор не имеет социальных границ: например, легенду о парикмахере-каннибале и зловещем Джеке-Прыгуне пересказывали и бедняки, и аристократия.

Библиография

1. Андрианова В.А., Рокина Г.В. «Плохая Англия» – обратная сторона викторианского общества второй половины XIX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. № 3 (11). С. 5-16.
2. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.
3. Ахмедова Э.Т. «Гости с того света». Спиритизм и викторианская литература: к истории вопроса (по материалам британской периодики 1850-1890-х гг.) // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 195-201.
4. Ионов А.Ю. Взаимовлияние популярного кино и городских легенд на примере фильма ужасов // Артикульт. 2016. № 2 (22). С. 76-84.
5. Коути Е., Харса Н.В. Суеверия викторианской Англии. М.: Центрполиграф, 2011. 474 с.
6. Макарова В.Н., Склярв Е.К., Чубарян В.Т. Викторианская урбанизация и проблема смертности и здравоохранения в Великобритании // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 2. С. 67-70.
7. Морженкова Н.В., Черепашук П.Д. Эвфемизация образов смерти в викторианском дискурсе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 174-180.
8. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Неклюдов С.Ю. (ред.) Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 5-24.
9. Осипова М.Е. Понятия urban legend и tall tale: сопоставительный аспект // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 134-136.
10. Стрельцова Е.Ю. Современный городской фольклор в ракурсе учебного рассмотрения // Вестник МГУКИ. 2014. № 1 (57). С. 148-151.
11. Фоминых Е.А. Дракула: трансформация сюжета от викторианской эпохи до XXI века // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 3 (3). С. 138-142.
12. Frost G.S. The Victorian World. Facts and Fictions. ABC-CLIO, 2018. 250 p.
13. Griffin E. Bread winner: an intimate history of the Victorian economy. New Haven, London: Yale University Press, 2020. 400 p.
14. Schülting S. Dirt in Victorian Literature and Culture: Writing Materiality. New York and London: Routledge, 2016. 204 p.
15. Skal D.J. Something in the blood: The untold story of Bram Stoker, the man who wrote Dracula. N.Y.: Liveright publishing corporation, 2016. 672 p.

Urban folklore as a characteristic of the Victorian era

Ergali N. Dautov

Associate Professor
at the Department of artistic interior design,
Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts,
125080, 9 Volokolamskoe hwy, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ergalid@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the issue of the appearance and development of urban folklore genres in the Victorian England, – in particular, urban legend. Factors in the development of post-folklore and a new mythological understanding of reality were significant socio-economic changes, which were associated with the sharp urbanization of Britain and the introduction of the countrymen worldview into urban realities. The author raises the issue of inheritance and transformation of village rituals and beliefs in the urban environment, and also analyzes purely urban myths and legends, such as stories about Jack the Jumper, the rat queen, ghost children, parasites from unclean food. The article examines the myth-making potential of spiritualism, mythologization of diseases and the image of death. The author concludes that the active mythologization of urban life is inextricably linked with the historical conditions of the development of Britain in the mid – late 19th century.

For citation

Dautov E.N. (2020) Gorodskoi fol'klor kak kharakternaya cherta viktorianskoi epokhi [Urban folklore as a characteristic of the Victorian era]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 1-2, pp. 42-52.

Keywords

Victorian era, gothic, urban legend, post-folklore, mortality, urbanization, vampires.

References

1. Akhmedova E.T. (2016) "Gosti s togo sveta". Spiritizm i viktorianskaya literatura: k istorii vo-prosa (po materialam britanskoi periodiki 1850-1890-kh gg.) ["Guests from the Other World." Spiritualism and Victorian literature: on the history of the issue (based on British periodicals of the 1850-1890s)]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 5, pp. 195-201.

2. Andrianova V.A., Rokina G.V. (2017) "Plokhaya Angliya" – obratnaya storona viktorianskogo obshchestva vtoroi poloviny XIX veka ["Bad England" – the reverse side of Victorian society in the second half of the 19th century]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki"* [Bulletin of the Mari State University. Series "Historical Sciences. Legal Sciences"], 3 (11), pp. 5-16.
3. Arkhipova A., Kirzyuk A. (2020) *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
4. Fominykh E.A. (2013) Drakula: transformatsiya syuzheta ot viktorianskoi epokhi do XXI veka [Dracula: transformation of the plot from the Victorian era to the XXI century]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanitarian University], 3 (3), pp. 138-142.
5. Frost G.S. (2018) *The Victorian World. Facts and Fictions*. ABC-CLIO.
6. Griffin E. (2020) *Bread winner: an intimate history of the Victorian economy*. New Haven, London: Yale University Press.
7. Ionov A.Yu. (2016) Vzaimovliyaniye populyarnogo kino i gorodskikh legend na primere fil'ma uzhasov [The mutual influence of popular cinema and urban legends on the horror movie examples]. *Artikul't*, 2 (22), pp. 76-84.
8. Kouti E., Kharsa N.V. (2011) *Sueveriya viktorianskoi Anglii* [Superstitions in Victorian England]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.
9. Makarova V.N., Sklyarov E.K., Chubaryan V.T. (2014) Viktorianskaya urbanizatsiya i problema smertnosti i zdravookhraneniya v Velikobritanii [Victorian urbanization and the problem of mortality and health care in the Great Britain]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and socio-economic sciences], 2, pp. 67-70.
10. Morzhenkova N.V., Cherepashchuk P.D. (2016) Evfemizatsiya obrazov smerti v viktorianskom diskurse [Euphemization of images of death in Victorian discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2, pp. 174-180.
11. Neklyudov S.Yu. (2003) Fol'klor sovremennogo goroda [Folklore of the modern city]. In: Neklyudov S.Yu. (ed.) *Sovremennyyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., pp. 5-24.
12. Osipova M.E. (2017) Ponyatiya *urban legend* i *tall tale*: sopostavitel'nyi aspekt [The concepts of urban legend and tall tale: a comparative aspect]. *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushchee. Sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science and education: preserving the past, creating the future. Collection of articles of the IX International scientific and practical conference]. Penza: Nauka i prosveshchenie Publ., pp. 134-136.
13. Schülting S. (2016) *Dirt in Victorian Literature and Culture: Writing Materiality*. New York and London: Routledge.

14. Skal D.J. (2016) *Something in the blood: The untold story of Bram Stoker, the man who wrote Dracula*. N.Y.: Liveright publishing corporation.
15. Strel'tsova E.Yu. (2014) Sovremennyyi gorodskoi fol'klor v rakurse uchebnogo rassmotreniya [Modern urban folklore from the perspective of educational consideration]. *Vestnik MGUKI* [The bulletin of Moscow State university of culture and arts], 1 (57), pp. 148-151.